

О причинах современного невірія ¹⁾.

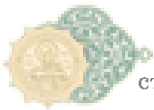
Фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что невіріе распро-
страняется нынѣ съ особливою силою. Врагъ, какъ гово-
рятъ, стоитъ у дверей!.. Христіанство вообще и православіе
въ частности встрѣчаетъ необыкновенно ярыхъ противни-
ковъ. Невіріе наблюдается не только въ средѣ интеллиген-
ціи, но часто и среди простыхъ людей; оно заражаетъ сво-
имъ тлетворнымъ духомъ сердца юныя, души еще молодыя,
не окрѣпшія.

Существуютъ разные виды и формы невірія. Есть не-
віріе сознательное, упорное, и существуетъ невіріе бессоз-
нательное, подражательное. Последнее имѣетъ характеръ
своего рода моды: „люди ученые не вѣрятъ, почему же
мнѣ вѣрить? видно, что все это одна предрасудки“. Это
жалкое, низкое, постыдное подражаніе!...

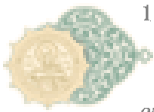
Гдѣ же скрывается причина столь распространеннаго
нынѣ невірія?

„Люди ученые не вѣрятъ“. Говорятъ, что невірую-
щимъ дѣлаетъ человѣка наука, такъ что выходитъ, что вѣра
есть достояніе только людей простыхъ, необразованныхъ.
Если бы это была правда, мы наблюдали бы печальнѣйшее
явленіе: человѣкъ умножаетъ свое знаніе для того, чтобы
въ концѣ концовъ разбить свое существованіе, потерять цѣ-
лостность и единство своего духа, носить въ себѣ самую

¹⁾ Чтеніе въ Киевскомъ православномъ Религиозно Просвѣтитель-
номъ Обществѣ.

страшную мучительную дисгармонию. Но, къ счастью, это не такъ: не наука, какъ наука, плодитъ невѣріе, а только наука односторонняя, которая изучаетъ исключительно то, что можно видѣть, осязать, въ чемъ можно опытно убѣдиться, и дальше этого не идетъ. Вѣрно, что чистые математики, чистые естественники, чистые физики или химики, не одинъ разъ являються невѣрующими, но это потому, что ихъ званіе слишкомъ сужено, носятъ слишкомъ специальный характеръ; необходимо расширеніе умственного кругозора. По словамъ знаменитаго французскаго ученаго Бертело, есть науки положительныя и есть науки идеальныя, т. е. имѣющія своимъ предметомъ область идеальнаго, сверхчувственнаго. Положительная наука, изучающая только явленія, не должна выступать за свои предѣлы и рѣшать вопросы, не подлежащіе ей вѣдѣнію. Нѣтъ ничего несправедливѣе заключенія: „этого я не понимаю, это не вмѣщается въ мое мышленіе, а слѣдовательно это и не существуетъ“. „Есть, мой другъ, Гораціо, много такихъ вещей, о которыхъ и не снилось древнимъ мудрецамъ“. Твердитъ часто: наука наука!.. Последнее слово науки!.. Наука стала какимъ то идоломъ. Никто, конечно, не отрицаетъ науки и ея великой важности, но нельзя и переоцѣнивать ея значенія. Существуетъ область, выходящая за предѣлы точнаго знанія,— область вѣры, сверхчувственнаго, небснаго, духовнаго; человекъ совершенно увялъ бы, если бы не было этой идеальной области. Мы высоко цѣнимъ положительную науку, понимаемъ все ея значеніе для жизни, но нельзя забывать, что выводы ея такъ часто бывзютъ шатки, колеблются, другъ другу противорѣчатъ и потому, во имя положительной науки, ни въ какомъ случаѣ нельзя отвергать вѣковѣчныя религіозныя истины. Сама, вѣдь, наука часто опирается, какъ извѣстно, на вѣрѣ, т. е. на такихъ предпосылкахъ, которыя не могутъ быть научно доказаны, какъ, напр., происхожденіе жизни, существованіе атомовъ и т. п.

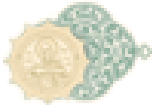

Истинный ученый знает пределы своей научной области, которыхъ онъ не долженъ переходить; онъ не переступаетъ положительной научной границы и изъ положительнаго ученаго не становится метафизикомъ. Онъ не въ правѣ отвергать того, къ чему самыя категоріи научнаго мышленія не имѣютъ приложенія. Онъ останавливается предъ этою высшею областью и рѣшеніе ея вопросовъ предоставляетъ другимъ наукамъ, дающимъ конечное объясненіе изучаемыхъ имъ фактовъ.

Можно несомнѣнно потерять широту мышленія, занимаясь, напр., постоянно одними какими нибудь химическими анализами. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ наукою, какъ наукою, а съ однимъ только научнымъ уголкомъ, въ который замкнулись и который совершенно сдвливаетъ поле нашего умственнаго зрѣнія, а между тѣмъ изъ этого уголка желаютъ созерцать весь міръ. Если такая наука плодитъ невѣріе, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и мы не можемъ жаловаться на науку вообще. Нынѣшняя положительная наука часто принимаетъ именно такой узкій, односторонній характеръ, а потому она стоитъ не одинъ разъ въ разладѣ съ вѣрою. Если одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ бактериологовъ ни во что не вѣритъ, то это произошло отъ того, что всю свою жизнь онъ изучаетъ подъ микроскопомъ разнаго рода бактеріи, а на основаніи одной бактериологии невозможно построить цѣльнаго жизненнаго міросозерцанія. Будешь предаваться мечтамъ, какъ бы сдѣлать старость человека безболѣзненною, но, вѣдь, бактерія все равно, рано или поздно, дадутъ о себѣ знать, и одною діететикою, строгою гигиеною, старости спокойною не сдѣлаешь, а сдѣлаешь ее безболѣзненною, тихою и мирною только вѣра въ жизнь безсмертную, вѣчную. Такъ называемая научная, „позитивная этика“, опирающаяся на естественныхъ биологическихъ фактахъ, никогда не замѣнитъ собою возвышенной христіанской морали.

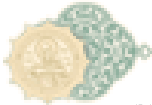
Мы повторимъ давно извѣстную истину, говоря, что врагомъ вѣры является не положительная наука, знающая свои подлинныя предѣлы и истинныя задачи, а наука, переступающая свои законныя предѣлы, вторгающаяся въ область вѣры, которая вовсе не составляетъ предмета „позитивнаго“ изслѣдованія, и при томъ—наука узкая, односторонняя. Враждебна вѣрѣ не наука, какъ наука, а враждебно ей невѣжество, не понимающее себя и смѣлю рѣшающее всякаго рода вопросы и въ томъ числѣ вопросы самыя трудныя и сложныя, т. е. вопросы религіозныя. Такимъ людямъ можно сказать только одно: поудержитесь; не принимайтесь за рѣшеніе того, чего разрѣшить не могли и величайшіе умы; будьте скромны: вѣрьте въ то, во что всегда вѣрило человечество и безъ чего оно жить не могло и не можетъ. Фактъ несомнѣнный, что иногда просто начитались всякихъ нелѣпыхъ анархическихъ и социалистическихъ листовъ и брошюръ, и думаютъ, что постигли уже чуть ли не всю премудрость, на основаніи которой можно крушить направо и налево всякія религіозныя идеи. Наше время, быть можетъ, особенно страдаетъ этимъ дерзкимъ, вызывающимъ, невѣжествомъ, посягающимъ на права вѣры. Философы обычно жалуются, что въ ихъ область готовы вмѣшиваться всякій, вовсе къ тому не призванный. Но еще больше на это имѣютъ право сѣтовать богословы, видящіе вторженіе въ ихъ науку богословскаго диллетантизма или невѣжества, прикрывающагося тѣмъ, что вопросы религіи будто бы каждому близки и имѣютъ общій характеръ.

Часто теперь приходится слышать и такія рѣчи: „я вѣрить бы, но—знаете ли—тамъ такая внѣшность, обрядность, форма, убивающая буква“! О, эти „духовные христіане“! Кто же вамъ мѣшаетъ внести въ эту внѣшность, если вы принимаете въ ней участіе, духъ животворящій? Кто вамъ сказалъ, что можно жить безъ обрядности, безъ формы, безъ внѣшняго обнаруженія религіознаго чувства? Не само-

обольщаетесь ли? Быть может, у васъ нѣтъ ничего внутри, а потому и форма для васъ кажется совершенно излишнею и непонятною? Быть можетъ, именно для васъ нуженъ болѣе простой и легкой путь—идти отъ внѣшняго къ внутреннему? Какъ возможно религиозное чувство безъ внѣшняго выраженія, безъ религиознаго символизма? Не забываете ли словъ св. Апостола, такъ снисходительно относящагося къ людямъ немощнымъ совѣстью? Онъ говоритъ: „кто ѣсть, не унижай того, кто не ѣсть; и кто не ѣсть, не осуждай того, кто ѣсть, потому что Богъ принялъ его... Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ, и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ. Кто ѣсть, для Господа ѣсть, ибо благодаритъ Бога. И кто не ѣсть, для Господа не ѣсть, и благодаритъ Бога“ (Римл. 11, 3—6). Вотъ слова св. Апостола! И послѣ этого мы окуждаемъ простую, искреннюю, сердечную вѣру. Мы слишкомъ горды; мы желаемъ какой то особенной аристократической церкви. Интеллигентъ нашего времени говоритъ, что онъ переросъ простую вѣру. Но лучше сказать, что онъ до нея совсѣмъ не доросъ: ему только кажется, что онъ вѣритъ, а на самомъ дѣлѣ религиозная вѣра у него давно уже исчезла и онъ только носитя съ своею любимую мыслью о „внутренней вѣрѣ“, безъ внѣшняго религиознаго обнаруженія.

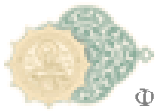
Нынѣ немало людей, которые серьезно говорятъ: „къ чему это? можно быть добрымъ человѣкомъ, ни во что не вѣруя“. Но какъ понимать это: „ни во что не вѣруя“? Вѣрите ли вы въ человѣка,—въ его ничѣмъ незамѣнимую личность? Вѣрите ли въ абсолютную цѣнность добра? Но это, скажутъ, чисто научная вѣра, не имѣющая религиозныхъ предпосылокъ. А опредѣлила ли наука, что такое добро? Не разрѣшается ли для нея это понятіе въ простое признаніе выгоднаго, полезнаго, какое понятіе всегда условно, относительно, ибо что выгодно для меня, то можетъ быть невыгодно для другого. Не является ли для положительной

науки человѣкъ простымъ бездушнымъ объектомъ?... Любовь къ человѣку имѣеть релігіозныя основанія, ибо, стоя на чисто научной точкѣ зрѣнія, можно сказать, подобно нѣкоторымъ соціологамъ, что частная помощь бѣдняку вредна для общества, умножая только нищенство. Кому не извѣстно, какъ часто холодна бываетъ въ своихъ приговорахъ наука. Да и кого разумѣть подъ этимъ „добрымъ невѣрующимъ человѣкомъ“? Того, кто не обижаетъ, не грабитъ, не насильничаетъ. Но это чисто отрицательныя качества, которыхъ далеко не достаточно. Никогда нельзя смѣшивать простую корректность съ нравственною добротою. При такомъ смѣшеніи можно назвать добрымъ человѣкомъ и того, кто аккуратно платитъ по своимъ долговымъ обязательствамъ и самъ не требуетъ получки раньше срока. Безъ релігіозной вѣры человѣкъ теряетъ источникъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ побужденій и можетъ руководиться по большей части только узко-утилитарнымъ соображеніемъ: „не вредитъ, потому что и мнѣ могутъ причинить вредъ“. А велика ли нравственная цѣнность подобныхъ побужденій? „Если любите любящихъ васъ, какая вамъ за это благодарность? ибо грѣшники любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за это благодарность, ибо и грѣшники то же дѣлаютъ. И если займы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за это благодарность? ибо и грѣшники даютъ въ займы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько же“ (Лук. 6, 32—36). Можно быть корректнымъ человѣкомъ безъ вѣры, но добрымъ человѣкомъ нельзя быть ибо нравственная доброта есть внутреннее очищеніе души ея богоуподобленіе. „Любите враговъ вашихъ, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете вы сынами Всевышняго, ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ“ (Лук. 6, 35).

Есть люди, которые говорят: „мы вѣрили, но теперь потеряли вѣру“. Почему же? „Да потому, что вѣришь и не вѣришь, одинаково страдаешь, одинаково преслѣдуетъ тебя несчастье“, „Я—говорила одна мать—такъ молилась, такъ молилась, но его не стало; я несчастна: я смотрю теперь на жизнь, какъ на игру какихъ то случайностей“. Это собственно голосъ не невѣрія, а какого то религіознаго отчаянія. Можно спросить: неужели вы смотрите на вѣру, какъ на какой то договоръ, своего рода контрактъ съ высшимъ абсолютнымъ Существомъ? Молился, просилъ, усердно просилъ и потому долженъ получить просимое, а если не получилъ, то значить нѣтъ и Того, Кого просилъ. И почему вы такъ твердо увѣрены, что въ вашей просьбѣ не было ничего своекорыстнаго, эгоистическаго? Откуда извѣстно, что исполненіе нашей молитвы принесло бы вамъ одно только благо? Развѣ жизнь не убѣждаетъ, что именно неисполненіе просимаго оказалось для насъ въ послѣдствіи добрымъ? Вы смотрите на вещи съ точки зрѣнія настоящаго, скоропреходящаго момента, но имѣйте въ виду всю свою жизнь и всѣ свои отношенія къ людямъ. Повѣрьте, что все, что дѣлается въ жизни, дѣлается къ лучшему. Есть высшая промыслительная рука, направляющая нашу жизнь ко благу. Не впадайте въ отчаяніе, не теряйте вѣры ради неудовлетворенія вашихъ эгоистическихъ интересовъ. Не приножайте религію до какого то простаго договора съ Богомъ, ибо религія покоится на внутреннѣйшихъ, святѣйшихъ отношеніяхъ къ Богу,—сыновней любви и покорности.

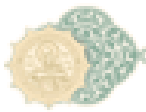
О причинѣ невѣрія въ Св. Писаніи читаемъ: „свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы“ (Іоан. 3, 19). Невѣріе, безъ сомнѣнія, плодитъ современное матеріалистическое настроеніе, ибо вѣра требуетъ жизни высшей, сообразной съ небеснымъ, духовнымъ. Когда то Апостоль Павель говорилъ защитительную рѣчь предъ римскимъ правителемъ

Фестомъ, человѣкомъ развращенной жизни. Апостолъ разъяснял то, о чемъ писали Моисей и пророки, какъ имѣющимъ наступить,---говорилъ о страданіяхъ Христа и воскресеніи Его изъ мертвыхъ (Дѣян. 26, 22, 23). Развращенный римскій правитель, жившій на основѣ эпикуррейскаго положенія: „станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“, не могъ примириться съ этими христіанскими истинами, такъ какъ онѣ были совершенно чужды его духу и настроенію и заставляли призадуматься надъ всеѣмъ безсмыслиемъ его досельшней жизни. Поэтому онъ не удержался и громкимъ голосомъ сказалъ: „безумствуешь ты, Павелъ! Большая ученость доводитъ тебя до сумашествія“ (Дѣян. 26, 24). Вотъ какъ развращенность жизни приводитъ собою невѣріе! Спасительные глаголы жизни кажутся для нея безуміемъ. Современный матеріализмъ и сенсуализмъ—душевный, по Апостолу, человѣкъ—„не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ нужно судить духовно“ (1 Корин. 2, 14). Христіанство покоится на идеалистическихъ основахъ, которыя нынѣ въ жизни такъ оскудѣли, ибо ищутъ, главнымъ образомъ, реальныхъ, осязательныхъ выгодъ и преимуществъ. Больше идеализма, и тогда и вѣра, имѣющая своимъ предметомъ область идеальнаго, найдетъ подходящую почву для своего развитія въ нашей душѣ. Нынѣшнимъ матеріалистамъ и сенсуалистамъ нужно отвѣтить словами св. Апостола Павла, сказанными римскому правителю: „нѣтъ, достопочтенный Фестъ... я не безумствую, но говорю слова истины и здраваго смысла“ (Дѣян. 26, 25).

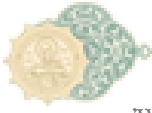
Одинъ изъ видныхъ психіатровъ сказалъ, что атрофія жизни начинается не съ потемнѣнія ума, а съ извращенія нравственныхъ чувствъ. Невѣріе имѣетъ свою основу въ развращенности сердца. Практическій матеріализмъ или аморализмъ ведетъ и къ атеизму теоретическому, ибо естественно нужно какънибудь оправдать свое поведеніе. Сна-

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1910 г.

чала человекъ вѣрять, но нечистое сердце постепенно вытравляетъ эту вѣру.

Нынѣшній космополитизмъ желаетъ уравнивать все и всѣхъ, забывая—не говоря о другомъ—какъ невыразимо тоскливо и мучительно было бы, при этой всеобщей *égalité*, которой вовсе не знаетъ природа. И въ отношеніи вѣры теперь настойчиво проводятъ мысль, что всѣ религіи или всѣ вѣры равны. Но какъ понимать это равенство? Въ томъ смыслѣ, что всѣ религіи субъективно удовлетворяютъ тѣхъ людей, которые ихъ исповѣдуютъ? Но мало ли чѣмъ можно удовлетворяться? Нельзя поставить границъ субъективизму и личному вкусу? Я удовлетворяюсь испорченнымъ воздухомъ, не замѣчая его испорченности: я привыкъ къ нему и чувствую въ немъ себя хорошо, не имѣю потребности его перемѣнять. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что всѣ воздушныя атмосферы одинаковы по своей чистотѣ, обилію кислорода и что я не долженъ стремиться выйти изъ этой вредной атмосферы. Такъ и сущность религіи не можетъ быть опредѣляема субъективною настроенностью, часто стоящею въ безусловной зависимости отъ привычекъ, традиціи, иногда просто нашей косности и неподвижности. Нельзя разсуждать: „мнѣ хорошо, а потому это и истинно“. Къ чему здѣсь этотъ „релятивизмъ“? Изъ того, что мною это принимается, какъ религіозная истина, не слѣдуетъ, что и на самомъ дѣлѣ это есть подлинная религіозная истина. Если не всѣ науки одинаковы по своей важности, по своему развивающему вліянію, по своему содѣйствію прогрессу человечества, не всѣ искусства одинаково воплощаютъ человѣческіе идеалы, то почему же всѣ религіи одинаково выражаютъ религіозныя идеи, такъ что не можетъ быть здѣсь менѣе совершеннаго и болѣе совершеннаго. Въ области религіи никто не можетъ заставить предпочесть то, что предпочитаетъ другой, но это не значитъ, что здѣсь вездѣ одинаковое совершенство. Та религія выше, которая

духовнѣ, а съ духовностью христіанства ничто не можетъ идти въ сравненіе. Это—религія богочеловѣчества, богочеловѣческихъ идеаловъ; въ ней человекъ возвышенъ на недосыгаемую высоту: онъ сынъ Божій, онъ можетъ звать: „Авва Отче“ (Гал. 4, 6); ни одна религія не ставитъ такъ высоко личность человека, какъ христіанство. Вся европейская культура созрѣвала и выросла на почвѣ христіанства, подъ его живительнымъ вліяніемъ. Къ чему же эти современные теософическія рѣчи о равенствѣ всѣхъ религій: и буддизма, и магометанства, и іудейства, и христіанства? Къ чему рѣчи о свободѣ перехода изъ христіанства въ магометанство? Это все равно, что сказали бы: „каждый можетъ свободно перемѣнить здоровую атмосферу на нездоровую“. Есть ли смыслъ въ такомъ указаніи? Безразличіе ко всѣмъ вѣрамъ плодитъ собою одно только невѣріе; ибо нельзя допустить тѣмъ, что, какъ ветхую, поношенную одежду, всегда можно легко замѣнить чѣмъ нибудь новымъ.

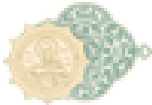
Плодятъ невѣріе и современные „богоскатели“, и „богостроители“, на подобіе М. Горькаго. Они все, подобно язычникамъ, ищутъ Бога, а Богъ явился намъ въ Лицѣ Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа. „Мы видѣли славу Его, какъ Единороднаго отъ Отца“ (Іоан. 1, 14). „Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца“ (Іоан. 14, 9). „Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу“ (Фил. 2, 6). „Великая благочестія тайна: Богъ явился во плоти“ (1 Тим. 3, 16). А они все ищутъ Бога!.. Перестаньте искать!.. Вы Его не найдете, ибо Онъ исчезъ изъ вашего сердца!.. До чего довело это богоскательство, видно изъ той беспощадной критики, которую произвели надъ нашею интеллигенціею сами же интеллигенты, приносящіе „покаянныя слезы“. Вотъ нѣкоторые мѣста этой критики. „Нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская“. „Невѣжество нашей интеллигенціи въ вопросахъ религіи поразительно“. „Русскій интеллигентъ не знаетъ

никакихъ абсолютныхъ религіозныхъ цѣнностей“. „Народное міровоззрѣніе и духовный укладъ опредѣляется христіанскою вѣрою“, а „интеллигенція, разрушая народную религію, разлагаетъ и народную душу, сдвигаетъ ее съ ея незыблемыхъ, вѣковыхъ основаній“. Увѣруйте и тогда народъ не будетъ чувствовать къ вамъ недобвѣрія и враждебности. „Между вами нѣтъ здоровыхъ людей,—все желчныя, угрюмыя, безпокойныя лица, искаженныя какою то тайною неудовлетворенностью; всѣ недовольны, не то озлоблены, не то огорчены“. „Жизнь русскаго интеллигента—личная, семейная, общественная—безобразна и непослѣдовательна, а сознаніе лишено существенности и силы“. Вотъ результаты современнаго богоискательства!

Св. Апостолъ Павелъ, обличая невѣріе современныхъ ему іудеевъ, говоритъ: „Какъ вѣровать въ Того, о комъ не слышали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго? И какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы, какъ написано: какъ прекрасны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благое (Ис. 52, 7)... Итакъ, вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія. Но спрашиваю: развѣ они не слышали? Напротивъ, по всей землѣ прошелъ голосъ ихъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ“ (Рим. 10, 14—18). Конечно, о невѣрующихъ нашего времени нельзя сказать, что они не „слышали“. Однако голосъ наученія долженъ раздаваться сильнѣе и энергичнѣе, необходимо сообразоваться съ нуждами и потребностями времени, а главное нужно помнить евангельское слово: „кто соворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ“ (Матт. 5, 19). Невѣріе часто побѣждается не столько доводами ума, сколько чистотою и высотой христіанской жизни.

Вѣра даетъ человѣку жизнь, ибо она открываетъ ему область духовнаго, вѣчнаго, небеснаго и придаетъ смыслъ

нашему земному существованію. „Безъ вѣры угодить Богу невозможно, ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть и ищущимъ Его воздаетъ“ (Евр. 11, 6). „Кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“ (Марк. 16, 11).

Нужно хранить вѣру, какъ драгоценное сокровище; нужно возбуждать и укрѣплять ее и въ другихъ. Одинъ вѣрующій своею религиозной убѣжденностью и доброю жизнью можетъ обратить многихъ невѣрующихъ, а тогда онъ „спасетъ душу“ невѣрующаго „отъ смерти“ „и покроетъ“ его „множество грѣховъ“ (Іак. 5, 20). Особенно нужно быть внимательнымъ къ подростающему юношеству,—этой нашей надеждѣ и всячески воспитывать въ немъ религиозныя чувства и охранить его отъ вредныхъ анти-религиозныхъ вліяній.

Д. Богдасhevскій.